

355.1
П-22

М. М. Пашкевич

АФГАНИСТАН: ВОЙНА ГЛАЗАМИ КОМБАТА

355.1
П-22

М. М. Пашкевич

**АФГАНИСТАН :
война
глазами
комбата**

А-222 030

Москва
Военное издательство
1991

Свердловская областная научная
Библиотека им. Н. К. Крупской

ПОЧЕМУ? ЗАЧЕМ?..

Декабрь 1979 года. Мы, молодые лейтенанты одной из частей ГСВГ*, потрясены. Наши войска вошли в Афганистан. Для нас это было большой неожиданностью.

Почему? Зачем? С какой целью? Пробовали ответить на эти вопросы, спорили между собой, пытались объяснить сами без помощи старших командиров и прессы. Интернациональный долг?! Что ж, мы готовы были с честью его выполнить. Но все же, проводя политические занятия с личным составом, было мучительно трудно объяснить солдатам и сержантам, чем вызван этот шаг. «Давили» все больше на патриотизм, на наши лучшие качества, на то, что мы не можем оставить южного соседа в беде.

Годы шли «уверенной поступью». Руководство партии и государства менялось. Постепенно менялась и информация о событиях в Афганистане. В газетах, хоть и редко, стали появляться статьи об этой войне. Все больше офицеров едут туда, а некоторые из них не возвращаются. При встречах с сослуживцами, с товарищами по учебе первым вопросом становится:

— Ну ты как? Был?

— А ты знаешь, Андрей погиб...

— Знаешь, Сергей Шмаков тяжело ранен. Его солдат прикрыл своим телом, а сам погиб...

Декабрь 1985 года. И в Забайкальском военном округе все чаще стали говорить об Афганистане. И до этого, тяжелого для службы, округа дошла очередь принимать

---

* ГСВГ — ныне Западная группа войск.

офицеров, отслуживших в Афганистане, и соответственно на их место отправлять своих. Европейские округа «поисчерпали свои резервы».

Пришла и моя очередь. 6 февраля 1986 года начальник отдела кадров нашего соединения очень буднично сообщил мне, что я должен в мае убыть в Афганистан.

Отъезд на войну невероятно прост. Никаких торжественных построений, никаких напутственных речей и даже никаких проводов. Обычный рейсовый автобус, два чемодана вещей — самых-самых необходимых и служебное предписание в кармане. Плачущая жена с дочерью на руках, которая никак не поймет, почему плачет мама и почему такой грустный папа, и которой не объяснишь, что такое война и что с нее не все возвращаются. Последний взгляд, последний взмах руки... Обидно, что, вот так просто, до ломоты в зубах, по-будничному уезжая, можно больше никогда не вернуться.

Первый этап командировки на войну — город Ташкент. О ташкентской «пересылке» ходило много различных слухов, рассказов и домыслов. О ней еще часто будут вспоминать и те, кому довелось побывать на ней, и те, кто жил за счет этого «доходного» местечка. Ташкентская «пересылка» — это золотой «оазис» для таксистов, фарцовщиков, проституток и прочего другого, «не существовавшего» до недавних пор у нас люда.

А начинается все уже с вокзала и аэропорта. Прибывший в Ташкент офицер надеется, что его встретит кто-либо из представителей военного ведомства, ведь едет он не в отпуск, не на курорт. Но первым встречает его здоровенный детина с лоснящейся физиономией, который брезгливо спрашивает: «Командир, тебе куда?» Хотя по скромному багажу прибывшего сразу понимает, куда ему надо. За услугу по доставке на пересыльный пункт просит две «красненькие». Не желаешь расставаться со своими кровными? Добирайся как знаешь! Бывают и дру-

гие, более «гуманные» варианты: ходит похожий «бравый молодец» и приглашает нуждающихся в автобус, а как наберется достаточное их количество, везет, собрав предварительно по 3—5 рублей с каждого. Самых стойких, не поддавшихся интригам спекулянтов, ждет новое испытание: попытаться сдать вещи в камеру хранения. Она, кстати, рядом. Только вот очередь часа на три, как минимум. Но не беда. Из соседнего окошка призывно глядит похожий на предыдущих молодец, предлагая: «Командир, проходи без очереди». Заходишь, несешь свои чемоданы, ставишь. И тут тебе доверительно сообщают, сколько эти услуги стоят. А стоят самую малость: сколько не жалко! Но не меньше трех рублей!

И только теперь, окрыленный тем, что избавился наконец от тяжелых чемоданов, и несколько огорченный «ненавязчивым» нашим сервисом, ты направляешься на пересыльный пункт. Добираться приходится на чем бог пошлет. На КПП пересыльного пункта вас встретит, причем не очень вежливо, рядовой срочной службы, заберет документы и скажет, когда вам нужно прибыть на перекличку.

Уставший от дороги и всех дорожных неурядиц, ты идешь в так называемую гостиницу. Двухэтажное здание с клетками-комнатами внутри, плотно заставленными двухъярусными кроватями, на которых лежат, сидят, едят, а нередко пьют горькую такие же «счастливики» — от прапорщика до подполковника включительно. Есть желание освежиться с дороги? Пожалуйста в умывальник, но вода только холодная. А вот в туалет лучше не заходить: там кучи мусора, остатки продуктов, пустые бутылки и прочие нечистоты.

Но, преодолев и эти трудности, вам захочется прилечь на кровать и наконец-то отдохнуть. Ну что же, дело за малым: сходить к кастелянше и получить белье. Идешь, предварительно заплатив полтора рубля. Но, увы, кастелянши на месте нет. Безропотно ждешь, так как

«пороптать» все одно некому. Наконец является кастелянша и заявляет, что белья нет и что никаких претензий она не принимает. Потеряв всякую веру в справедливость, ты молча ждешь, когда разойдется основная масса разочаровавшихся. После чего робкоходишь и сладким голосом, положив на стол троячок, спрашиваешь: «А вдруг где-то завалялась парочка простыней?» И надо же, какая счастливая случайность: именно две простыни «случайно» находятся.

Как мало нужно порой человеку для счастья! Теперь еще заморить бы червячка и можно утверждать, что жизнь прекрасна! Что тут у нас? Столовая и буфет. Замечательно! Но... столовая закрыта, и, когда откроется, никто сказать не может, а в буфете одно печенье, хлеб и молоко. Но зато у тебя есть пока деньги. Можно поехать в город. За воротами вас ждет все тот же «заботливый» таксист. И если вы располагаете достаточной суммой, то вас и отвезут, и накормят, и напоят, и все прочее. Только вот проснетесь вы наутро без денег и черт знает где. «Машина» сработала.

Ташкентская пересылка хотя и грязная, но все же родной уголок, где о войне только говорят. Здесь собираются люди, которые на ней еще не были и только готовятся с ней встретиться. Душа у всех болит, и, как ни скрывай, это видно. Все встревожены и напряжены. И хорошо бы именно здесь, на рубеже родной земли, успокоили и поддержали. Но увы.

До сегодняшнего дня я не смог ответить себе на один вопрос: «Почему? Почему было такое бездушие и безобразия?» И кажется мне, что это не было просто халатным отношением к делу...

* * *

Ранним утром 30 мая 1986 года самолет Ил-18 с очередной группой офицеров, солдат и сержантов взял курс на ТОТ берег Амударьи, в неизвестность.

Слушая ровный, тягучий рокот моторов, гляжу на притихших лейтенантов с эмблемами десантников, пытавшихся перед посадкой в самолет вынуть бутылку водки, но так и не сумевших это сделать, и чувствую, как внутри разрастается тревога. Впереди целых два года. Тайно завидую своему предшественнику, у него уже все позади. И не раз потом, уже будучи «обстрелянным», замирал при звуке гражданского самолета, летящего высоко в небе. И сожмет сердце, и непроизвольно начнешь считать полугодия, месяцы, дни. А пока каждый думает о своем, не зная, у кого будет впереди счастливый миг возвращения, а для кого его не достанется. Как там у поэта?

Бой кипел на земле опаленной,
И не всем посчастливилось жить.

Первое, что я увидел, подлетая к Кабулу, — четыре наших вертолета Ми-24, которые кружили немного ниже нас и зачем-то отстреливали ракеты. Никто из сидящих в самолете не знал, зачем они это делают. Самолет как-то резко, явно вразрез со всякими летными требованиями, пошел на посадку. Вот шасси коснулось дорожки, короткий пробег — и остановка. После проверки документов мы вышли на летное поле. Несмотря на ранний час, солнце стоит высоко, довольно жарко. По обратным склонам ближайших гор ведут огонь вертолеты. Рядом говорят, что сбит один из прикрывавших нас вертолетов, а отстреливаемые ракеты — это не что иное, как тепловые ловушки для самонаводящихся ракет.

Вот так ворвалась в мою жизнь война.

Стройный симпатичный сержант с автоматом АКС проводил нас до пересылки, теперь уже кабульской. Кабульская пересылка — это часть местности, огороженной двумя рядами колючей проволоки, с расположенными внутри несколькими палатками, туалетом и тремя модулями, в одном из которых столовая.

Офицеров, от командира батальона и выше, пригласили пройти в класс. Какой-то старший лейтенант, очень довольный собой и очень строгий к прибывшим, предложил заполнить очередную анкету. При этом один майор чуть не получил взыскание лишь за то, что посмел испортить один бланк анкеты. Оказывается, союзный дефицит и здесь не кончается. Как мне хотелось спросить этого строгого старшего лейтенанта: а был ли он хоть раз там, где все должно быть действительно очень строго? Но не спросил. Не хотелось начинать новую жизнь с распрей.

Часа через два всех нас усадили в автобус и безо всякой охраны с одним прапорщиком при автомате отправили с пересылки в штаб 40-й армии. Так, из окна автобуса, произошло мое первое знакомство с Кабулом и Афганистаном.

Армейский штаб — это небольшой советский городок в столице Афганистана. Магазины, асфальтированные дороги и тротуары, Дом офицеров, на нем большая красочная афиша, памятник Ленину, небольшой фонтан, несколько скамеек для отдыха, довольно много нарядно одетых женщин кругом, все это в первый раз воспринимается как какая-то нереальность. Настроился на войну, а тут...

Строгость войны начинает чувствоваться в отделе кадров. Стол майора Симакова, который распределяет мотострелков и танкистов, завален бумагами. Какие-то офицеры приходят и уходят. Рядом открытая дверь наградного отдела. Видно, как прапорщик, чистенький и не очень вежливый, вяло поясняет кому-то, что наградные документы пришли, но показать он их не может, так как у него нет сейчас времени. И вообще он очень устал.

Майор Симаков приглашает нас пройти в кабинет начальника отдела кадров. За столом сидит чем-то рассерженный полковник. Минутная беседа с подполковником Ивановым, командиром артдивизиона, прибывшим вместе со мной и назначенным в Руху. Взгляд в мою сторону.

Представляюсь по всем правилам: капитан такой-то прибыл на должность командира отдельного батальона охраны.

Полковник:

— Капитан, у тебя лапа где?

Не сразу понимаю, о чем речь. Переспрашиваю.

— Ну кто тебе местечко подбирал?

— Никто, — отвечаю. — Куда назначили, туда и еду!

— Откуда едешь?

— Из Забайкалья!

После короткого раздумья обращается к Симакову:

— Так! В горы его, да куда повыше! Пусть бегают, молодой еще. А на его место мы сами подберем.

Добавил несколько «крепких» слов для связки и отвернулся. Все. Разговор со мной окончен. Взгляд на очередного из прибывших. Меня такое отношение, по меньшей мере, удивляет. Выражаю свое недоумение и пытаюсь задать вопрос: с чего бы это вдруг такое назначение? Но лучше бы я не пытался! Всего через пару минут я узнал, кто я есть, а именно: подлец, жалкий трус, карьерист и так далее, и так далее... После чего был выставлен из кабинета с обещанием сегодня же быть представленным члену военного совета армии и в дальнейшем быть отправленным обратно в Союз с «волчьим» билетом.

Ох уж эта бюрократия, а военная в особенности! Ведь умеют же унизить, да еще как больно! Тщетно пытался успокоить меня подполковник Иванов. На пересылку я вернулся очень расстроенным, где и просидел, всеми забытый и никому не нужный, пять дней. И кто знает, сколько бы длилось это забвение, если бы слух о моем прибытии не дошел до майора Лопаткина — командира того самого батальона, в который я ехал. Он примчался в отдел кадров и с большим скандалом отвоевал меня. 5 июня 1986 года на двух БТР мы поехали в Баграм принимать дела и должность.

Баграм — уездный центр провинции Парван. Ее главный город Чарикар. Чарикарская долина именовалась «зеленкой».

Мне повезло: я приехал в одно из самых знаменитых мест Афганистана. Панджшер, Кандагар, Баграм — эти названия знал если не весь контингент советских войск, то бóльшая его часть наверняка. Эти названия определяли уже самую обстановку, они стали синонимами таких условий, в которых добровольно мало кто согласился бы жить и воевать.

Баграм — это прежде всего крупная военно-воздушная база, это аэродром, на котором дислоцировалась большая часть наших и афганских самолетов, со всеми наземными службами и обеспечивающими подразделениями.

Баграм — это место дислокации штаба дивизии генерала Барынькина. Здесь также дислоцировалась часть, которой командовал Герой Советского Союза В. Востротин, ныне генерал-майор.

Баграм — это огромные склады боеприпасов и горючего, это большое количество самых разных частей и подразделений. Естественно, что интерес к этому месту проявляла не только наша сторона, что впоследствии было множество раз доказано.

Обязанностью моего батальона совместно с двумя батальонами генерала Барынькина было охранять это важное как для нас, так и для мятежников место. Фронт моей обороны был протяженностью 37 километров со стороны «зеленки» и непосредственно в ней самой. Кроме того, я являлся заместителем начальника гарнизона по наземной охране и обороне аэродрома. Работа мне предстояла сложная, но не пугала. Здесь всем было трудно.

Итак, я в Баграме. Принимаю должность. Раскрыв рот слушаю, что мне говорят Слава Лопаткин и другие офицеры. Все интересно, все ново. Знакомлюсь с задачами, с условиями их выполнения, встречаюсь с людьми,

изучаю технику и оружие. Работаем очень интенсивно. Знаю, что Лопаткина нужно отпустить быстрее, он уже лишним полгода ждет заменщика. Да и там, где два командира, подчиненным в два раза сложнее.

Через два дня после моего прибытия готовилась проводка колонны на сторожевую заставу, в населенный пункт Саяд. Когда майор Лопаткин спросил меня, не хочу ли я пойти с ними, я торопливо и очень бодро ответил, что конечно же хочу.

Рано утром, что-то около 5 часов 30 минут, в районе инженерно-саперного батальона стала собираться колонна. Прибыли разведрота для охраны, саперы с щупами и собакой, танк с минным катковым тралом, еще несколько танков и БТР с близлежащих застав, автомобили с продовольствием, топливозаправщики с бензином и дизельным топливом. Глядя на все эти приготовления, на буднично сосредоточенные лица солдат, сержантов и офицеров, я все-таки до конца не понимал, как это, вот так просто, люди пойдут в бой. После последних согласований на все возможные случаи колонна начала движение.

Общая задача батальона заключалась в охране гарнизона от обстрелов и предотвращении возможных нападений мятежников. Гарнизон был окружен тремя рядами сторожевых застав. В их задачу входило своевременным огневым воздействием предотвратить проникновение в зону ответственности бандформирований и обстрелы гарнизона реактивными снарядами, а также исключить минирование дорог и объектов. Задача с учетом местных условий трудновыполнимая. Внешнее кольцо моих сторожевых застав, а это 13 застав из 23, находилось в районах, занятых мятежниками, то есть в полном окружении.

Проводка колонны на заставу включала постановку «блока» в зоне, занятой мятежниками, завоз на заставу необходимых материалов: боеприпасов, продовольствия, дров, горючего и всего остального на два месяца. Прове-

дение необходимой работы с личным составом, выход с заставы и снятие «блока». Эти мероприятия необходимо было осуществить слаженно, быстро и зачастую под огнем противника, преодолевая минные заграждения.

За одну проводку колонны, как правило, обеспечивалось 3—4 заставы. Таким образом, в два месяца было, как минимум, три-четыре проводки.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48